

трѣлъ на панское званіе, какъ на санъ, который онъ воленъ давать и отнимать по своему произволу. Могущественная римская фамилія Кресченціевъ возвола на престолъ св. Петра папу Іоанна XVI, изгнавши предварительно Григорія V, къ которому Оттонъ III благоволилъ. Императоръ явился въ Римъ, возстановилъ Григорія, пацѣ Іоанну XVI выколоде глаза, отрѣзала носъ и языкъ и въ такомъ видѣ водили по улицамъ, а Кресченція—главу семья казнили. Григорій, ставленникъ Оттона, былъ такъ ненавистенъ римлянамъ, что они снова его прогнали; и старикъ умеръ, не успѣвши воспользоваться опять услугами своего покровителя. Тогда (въ 999 году) Оттонъ назначилъ папою своего друга Герберта, который въ новомъ санѣ принялъ наименованіе Сильвестра II. Лѣтомъ 1000-го года императоръ рѣшилъ окончательно переехать въ Римъ, устроить себѣ здѣсь резиденцію и править отсюда подобно Константину до его переселенія на Босфоръ. Здѣсь обнаружилась вся шаткость полѣтики Оттона III: нѣмцевъ онъ оттолкнулъ своимъ презрѣніемъ и любовью, а итальянцы все-таки смотрѣли на него, какъ на чужого. Даже больше: они къ императорамъ относились въ эту эпоху довольно хорошо, какъ къ нѣкоторой гарантіи противъ общей безурядицы и смуты, но имени Оттона III не любили, а нѣкоторые, особенно римляне, прямо ненавидѣли за его властолюбіе и навязываніе своихъ друзей въ папа и въ главные сановники. За неполныхъ два года, проведенныхъ имъ въ Римѣ, нѣрѣдко случались всцѣпки бунта противъ императора, котораго мало-помалу оставили охладѣвшіе къ нему дѣвочкіе отряды. Онъ долженъ былъ даже покинуть Римъ, чтобы созвать снова своя войска и показать римляпъ, но еще до осуществленія этого плана онъ умеръ въ 1002 году, недалеко отъ Рима, который онъ такъ любилъ. 22-хъ лѣтъ отъ роду этотъ странный человекъ сошелъ въ могилу, оставивши въ сильномъ разстройствѣ все германскія и итальянскія дѣла имперіи. Его эпоха, эпоха услужливаго содѣйствія римскаго престола самымъ необъятнымъ мечтаніемъ императорскаго честолюбія, эпоха полного обезличенія насъ, и рѣшительнаго пресобладанія императора является примымъ автотезомъ тому времени, которое настало въ Европѣ какихъ-нибудь семьдесятъ лѣтъ спустя, времени ожесточенной борбы